

Олег ВОРОБЬЕВ

*Allegretto, Санкт-Петербург**pp mezzo col legno*

Седьмая

Карл Ильичу Элиасбергу 7-я симфония Шостаковича

*Л. Окутин Юсупов
А. Сахаров
К. Мещеряков* *спустя 20 лет. Ленинград 27/1/1964г.*
*А. Давыдов
А. Шилло
Ф. Фролов
М. Гуреев
М. Шварц*

«Премьера симфонии № 7 в Ленинграде прошла 9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии.

Оркестром Ленинградского радиокомитета дирижировал Карл Элиасберг.

В дни блокады некоторые музыканты умерли от голода.

Репетиции были свёрнуты в декабре. Когда в марте они возобновились, играть могли лишь 15 ослабевших музыкантов.

Для восполнения численности оркестра пришлось отозвать музыкантов из воинских частей».

Википедия

Восьмидесяти музыкантам
и одному дирижеру
за восемьдесят минут музыки
и по поводу Восьмидесятилетия.
Нашей борьбе с фашизмом,
нашей грядущей победе над врагом,
моему родному городу Ленинграду
я посвящаю свою 7-ю симфонию
(надпись на партитуре)

– Не понимаю. Впечатление, что Шостакович ничего, кроме Седьмой симфонии, не написал.

– А вам не кажется, что известность этого произведения лежит в другой плоскости?

– Да, понимаю: кроме того, что это ошеломляющая музыка, славы ей добавило исполнение в блокадном Ленинграде.

– Да. И это уже – героизм исполнителей и войск фронта, прикрывавших город. Акт несгибаемости советского человека, советского солдата.

(Из беседы заведующего Музыкальной библиотекой Санкт-Петербургской филармонии имени Д.Д.Шостаковича Павла Вячеславовича Дмитриева с автором.)

Кто сейчас помнит историю создания и первых исполнений Седьмой, кроме историков музыки и меломанов? Но напоминают кинематографисты. Эту эпопею средствами кино превратили в миф дважды. Миф героический с чертами реальности. Два фильма, видимо, знакомы. Первый снят в далеком 1957-м: «Ленинградская симфония», сценарий и режиссура – Захар Аграненко. Второй совсем недавно, в 2021-м, «Седьмая симфония», режиссер Александр Котт.

Но есть еще одна лента, следов которой, к сожалению, не нашел, кроме названия и авторов: «Ленинградская симфония». Германия, 2017 г. Режиссёры Кристиан Фрей, Карстен Гучмидт.

Драматизм ситуации, в которой собирался блокадный оркестр, репетировал и исполнил «Симфонию № 7, «Ленинградскую», до мажор соч. 60, заставил меня извлечь сведения из воспоминаний реальных очевидцев и открытых архивов и попытаться представить панораму тех событий.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», – Федор Тютчев. Здесь поэт подразумевает святость человека, пережившего невзгоды роковые, прошедшего между жизнью и смертью. Не таковыми ли были люди, поправшие ад блока-

ды, доказавшие, что музы не молчат, а заставляют замолчать пушки. Как тяжелы те дни, года. Откуда берется огромная сила духа, как включается она, когда человек истощен, голоден, болен? Необъяснимые факты времён блокады поражают.

Надо удивляться музыкантам той поры. Занимаясь профессией, они дежурили в отрядах противовоздушной обороны, сбрасывая с крыш «зажигалки», участвовали в маскировке исторических куполов и шпилей. Сети же маскировочные плели в мастерских Кировского театра. Люди искусства воевали, приближали День Победы.

Вернемся к музам. Известно, что в годы войны существовали «фронтовые бригады», несущие слово, музыку, песню бойцам на передовой, в тылу, в госпиталях. Замечу, что артисты, выступавшие в бригадах, получая заслуженные аплодисменты за свое выступление, все же считали, что это они должны быть благодарны бойцам за их мужество и отвагу.

Такие коллективы были и в блокадном Ленинграде. Но чтоб в прифронтовой полосе работал целый симфонический оркестр – это невообразимо. Принимавшие решение оставить оркестр Радиокomiteта в городе не предполагали, какая высокая судьба выпадет ему. Хотя поначалу миссия коллективу определена скромная – напоминать жителям, что искусство принадлежит народу.

Концерты шли при аншлагах, но зимой 1941 года все завершилось. Одних музыкантов призвали на фронт. Другие не могли ни инструмент взять, ни звук издать: голод, дистрофия. И вдруг 5 марта 1942 года в радиозфире прозвучала Седьмая, названная «Ленинградской», симфония Шостаковича. Трансляция шла из Куйбышева (Самара). Это было потрясение. Восемьдесят минут музыки, говорившей об ужасе нашествия, трагических утратах и неизбежной Победе.

Следующее исполнение прозвучало 29 марта из Москвы, а на следующий день в малой студии Радиокomiteта состоялась первая репетиция блокадного оркестра. Топилась печка-буржуйка, было дымно, угарно. Вот что писала Ольга Берггольц: «Никто не сказал бы, что эти исхудавшие, темнолицые, фантастически одетые люди – музыканты, больше того – оркестр. Они похожи на беженцев, на погорельцев... Дирижер в ушанке с поднятыми ушами, в меховых варежках стоит перед оркестром... Оркестранты устремляют на него ввалившиеся глаза. Дирижер взмахивает палочкой. Нестройные, какие-то разбредающиеся, жалкие звуки – все вразброд, слабо, хрипло, фальшиво»¹.

Трудно сказать, кто стал инициатором исполнения симфонии в блокадном Ленинграде. Нет точных данных. Однако в архивах хранится карандашное письмо Карла Элиасберга Дмитрию Шостаковичу от 6 апреля 1942 года: «Мне не нужно объяснять Вам, как мы заинтересованы в том, чтоб получить материал Вашей 7-й симфонии в наиболее кратчайший срок... Я надеюсь на Ваше содействие в этом вопросе, что даст нам возможность показать Ваше новое детище у нас в Ленинграде...»²

Партитура была доставлена в осажденный город, но в оркестре осталось всего 16 «боевых штыков». Тогда по радио объявили о наборе музыкантов, Карл Ильич начал обход еще живых.

Апрель, май, июнь, июль – четыре месяца работы дирижера и оркестрантов окрашены в мрачные тона утрат и страданий. Через тернии музыканты продирались к своему звездному часу.

За несколько дней до исполнения Седьмой Вера Инбер пишет в своем дневнике:

7 августа 1942 года, 12 часов ночи

Тишина и пустынность города потрясают.

Тишина. Даже обстрелы прекратились. Как писать в таком городе! При бомбежках – и то было легче. А что будет зимой!

9-го в Филармонии Седьмая симфония Шостаковича. Быть может, она разгонит эту тишину.

8 августа 1942 года

Холодный, серый, безрадостный день. Ничего не хочется делать. Ездили в город по поводу билетов на завтрашний концерт Шостаковича. Холодно!

9 августа 1942 года

Снова переполненный зал Филармонии, как это было до войны и в самом начале войны.

Оркестранты взволнованы. Дирижер, видимо, тоже.

Я слушала Седьмую симфонию, и мне казалось, что это все о Ленинграде. Лязгающее приближение вражеских танков – это было здесь. Но светлое завершение еще впереди»³.

* * *

Когда речь идет о симфоническом оркестре, перед нами предстает картина: слева изящные скрипки, справа расположились благородные альты и романтические виолончели, за ни-

ми, как башни, самые крупные смычковые – контрабасы.

В возрасте шести лет я заглядывал в оркестровую яму, и один из музыкантов пошутил:

– Смотри, Олег, дядя на лодку натянул струны и хочет что-то сыграть.

Конечно, контрабас не лодка, его музыкальный авторитет несомненен.

Вглядитесь – вон изящные арфы, обводами похожие на арбалеты с натянутыми тетивами, далее волшебные флейты, проникновенные гобои, виртуозные кларнеты, экзотические фаготы. И в эту строгую цветовую гамму врывается блеск труб, тромбонов, валторн, и на них строго поглядывают тубы. За синхронно движущимися вверх-вниз смычками видим роскошный в своей безукоризненности рояль, а за ним ударные, хотя и расположенные в арьергарде оркестра, будут слышны в самых драматических местах произведения⁴.

Так же мы представляем себе элегантно выстроенные ряды музыкантов в строгих черных концертных парах при бабочках и воздушных вечерних платьях.

9 августа 42-го так и было: все инструменты наличествовали, но их держали в руках музыканты в совсем не праздничной одежде, еще довоенной, но над всеми парил дирижер во фраке, белоснежной манишке и в бабочке. Говорят, накануне Карл Ильич был озабочен поисками двух картофелин: не для еды, а чтоб накрахмалить воротничок и манжеты.

В самом филармоническом зале, несмотря на теплую погоду, было зябко. Здание за зиму промерзло, оконные стекла разбиты бомбежками и закрыты фанерой. Зрители в телогрейках, бушлатах, шинелях, платках. Но люстры сияют во всем блеске хрусталя, и музыка звучит и в зале, и из городских репродукторов, и над окопами. Звук будущей Победы изумляют и пугают притихшего противника.

Оркестр выполнил свою миссию. Симфония прозвучала, и зал взорвался шквалом аплодисментов. Зрительская традиция не была нарушена – музыкантам несли цветы. Трудно сказать, сколько их было – на своих огородах люди блокады предпочитали растить овощи. Но были и цветы.

В отчете о концерте «Ленинградская правда» писала: «...Девочка карабкается на рампу и протягивает дирижеру букет, который немного завял...» Был еще один. Барышня девятнадцати лет с длинной косой подарила его маэстро. Букет был огромен. В нем соединились все цветы августа: пионы, жасмин, розы, шиповник, бархатцы. Цветы из сада ее деда. (Вот ведь дед, вместо

того, чтоб выращивать овощи, – цветочки разводит.) И в нем была записка: «С признательностью за сохранение и исполнение симфонической музыки в осажденном Ленинграде». Записку Карл Ильич бережно хранил и передал в музей «А музы не молчали...» школы № 235 им. Д.Д.Шостаковича. Попросил разыскать юную дарительницу. Следопыты школы нашли – ее звали Люба. Если у читателя появится желание подробнее ознакомиться с теми историческими событиями, сходите или побывайте на виртуальной экскурсии, что есть на сайте музея.

* * *

Андрей Николаевич Крюков – музыковед, писатель создал серию книг о музыкальном искусстве в блокадные годы. Описания его встреч с Элиасбергом доносят размышления дирижера. Любопытно узнать, что Карл Ильич отдавал пальму первенства в исполнении не композитору (его имя предваряет партитуру), а музыкантам. Еще бы. Ведь это искусство, помноженное на путь через круги ада Данте, ада блокады. «Нам надлежало донести до слушателей то, что заложено в этой замечательной музыке... Тихо было за стенами филармонии – немецкая артиллерия молчала... Вот широко и глубоко полилась начальная тема... И мы погрузились в музыку. В работу».

Это удивительно, музыканты не рассматривали свою работу как героизм. Мужественная скромность. Даже в воспоминаниях они рассказывают о будничном труде, а в мемуарах Льва Маргулиса вообще не упоминается симфоническая эпопея.

Сохранившиеся дневники Льва Маргулиса (первые скрипки) и Ксении Матус (гобой) не рассказывают, как ни странно, о репетициях и участии в исполнении симфонии. Чем это объяснить? Скромностью, заботами о выживании? Или погружением в работу? Обыденную для них, каждодневную, которой посвящена жизнь.

Бытует мнение: проект «Седьмая симфония» – пропагандистский, а жизнь – реальна.

Однако известно из воспоминаний дочери скрипача, что, по его словам, стимул жить и победить воодушевил голодных и полумертвых людей сыграть такую симфонию. А в своем дневнике между описанием борьбы за выживаемость музыкант восклицает: «О боже! Хочу музыки, хочу окунуться в мысли о чем-то жизненном, а не думать только о своем желудке».

* * *

Закончился концерт, и люди с приветами и поздравлениями потянулись к дирижеру. Среди них был командующий Ленинградским фронтом. Элиасберг говорит, что не обратил внимания на фразу, брошенную Леонидом Александровичем Говоровым: «Мы для вас тоже сегодня поработали». А это означало, что немцы пытались открыть огонь из дальнобойных орудий, но наши артиллеристы подавили огневые точки, и наступила тишина. Пришлось и противнику прослушать симфонию.

Возможно, кто-то скажет, такого быть не может. С какой стати стали бы слушать? Но было именно так, и тому есть подтверждение.

В 1948 году, через три года после Победы, в гостинице «Астория» состоялась встреча ленинградской интеллигенции с немецкими товарищами из ГДР. Среди них оказалось двое участвовавших в осаде Ленинграда. Один из них, Фриц Херман, спросил:

– Как удалось вам создать в таких нечеловеческих условиях первоклассный оркестр и сделать так, чтобы он играл? Я потрясен!

А затем признался:

– Тогда, 9 августа 1942 года, мы, немцы, поняли, что проиграем войну. Мы думали, что Ленинград после наших обстрелов и бомбежек мертв. Но когда зазвучала симфония, мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть.

Свидетели говорят, что Карл Ильич, помолчав и мягко улыбнувшись, сказал:

– Здесь, в этой гостинице, зимой сорок второго года я лежал на седьмом этаже в состоянии полного истощения, рядом лежали и умирали другие музыканты. Не все, но, как видите, выжили и так исполнили это предсказание будущей победы, что и вам довелось услышать. Но все было не просто. Когда впервые увидел ноты, даже растерялся: где взять такой расширенный состав: трубы, тромбоны, валторны, ударные? А на партитуре рукой Шостаковича было написано: «Участие этих инструментов в исполнении симфонии обязательно». Пришлось мне на велосипеде объезжать воинские части в поисках музыкантов.

Валторнист Николай Дульский рассказывал, что, находясь в зенитно-артиллерийском полку, узнал о своем откомандировании в состав оркестра. Однако командование не спешило, и Карл Ильич, проехав на велосипеде 15 километров, прибыл в часть. Там он узнал, что Дульский пере-

веден, но не в оркестр, а в распредбатальон. Недолго думая Элиасберг под бомбежкой катит через весь город, находит валторниста и доставляет в филармонию.

Галина Лелюхина (Ершова), флейтистка, с началом блокады работала на заводе, чтоб иметь рабочую карточку, по которой давали больше хлеба. Услышав по радио о наборе музыкантов в оркестр, взяв флейту, пришла. Карл Ильич, не менее дистрофичный, чем все, сказал: «Больше на завод не ходи. Всё. Завод твой кончился. Теперь будешь в оркестре работать».

Это иллюстрации рутинной работы дирижера по воссозданию оркестра.

Для полной картины предлагаю взглянуть на фрагмент журнала занятости оркестра, который вела Надежда Дмитриевна Бронникова (пианистка, жена Элиасберга).

1942

17 января. К.И.Элиасберг и Н.Д.Бронникова помещены в дистрофический госпиталь (гостиница «Астория»).

29 марта. Руководители Радиокomiteта (и Элиасберг) слушают трансляцию по радио из Москвы 7-й симфонии Д.Шостаковича.

6 апреля. Элиасберг пишет письмо Д.Д.Шостаковичу о 7-й симфонии.

2 июля. Газета «Ленинградская правда» извещает о доставке самолетом (летчик В.Литвинов) партитуры 7-й симфонии Шостаковича и предстоящем ее исполнении в зале филармонии.

26 июля. Начало ежедневной репетиционной работы над 7-й симфонией Д.Шостаковича.

8 августа. Открытая генеральная репетиция 7-й симфонии Д.Шостаковича.

9 августа. Д.Шостакович, Симфония №7, Ленинградская премьера (Ленинград, БЗФ, блокадный орк. Оркестр 80 человек).⁵

Прошли годы. Об этом событии написаны книги, опубликованы воспоминания участников и очевидцев, сняты фильмы. За пультом Заслуженного академического симфонического оркестра России Санкт-Петербургской филармонии стоит Юрий Темирканов. Он с трепетом и большим уважением говорит об этом музыкальном подвиге.

«Седьмую симфонию Дмитрия Дмитриевича Шостаковича я исполнял много раз – и за границей, и в Большом зале Петербургской филармо-

нии. Мысль о том, что ее ленинградская премьера состоялась здесь, в блокадном городе, 9 августа 1942 года, подсознательно всегда во мне присутствует. Музыкантов шесть или семь из того легендарного коллектива еще играли и в филармоническом оркестре, который я возглавил в 1968 году. Мне было 29 лет».

Сегодня исполнение симфонии связано с определенными датами: снятие блокады, памятные днями прошедшей войны или тематическими абонеменами. Тем не менее столь трудное в исполнении произведение продолжает звучать. О его сложности говорит Семен Аркин – первая скрипка (концертмейстер) в составе блокадного оркестра. Дело в том, что записей дирижерского решения Седьмой не сохранилось. Поэтому такие заметки ценны: «Элиасберг создал ошеломляюще сильную картину нашествия. Главное в его интерпретации был неколебимый ритм. Он не позволял нам ни на йоту ни замедлять, ни ускорять неуклонный «ход» музыки. Это было действительно «нашествие», потрясающее бездушное в своей механистичности, страшное в постепенном накапливании динамики. И как противовес этому давящему, исторгающему звериный рев шествию вставала пасторальная часть».

Когда я обратился в музыкальную библиотеку филармонии с просьбой ознакомиться с архивами, мне сказали:

– Да, вероятно, у нас найдутся некоторые материалы, которые будут интересны. В основном это фотографии концертов (вернее, после концертов), на которых собирались участники первого исполнения в Ленинграде. Они принимали участие в 1964, 1970 и 1975 гг., а затем уже присутствовали как почетные гости в 1982 и 1992 гг. Вот точные даты:

– 27 января 1964 года, в двадцатилетие снятия блокады (дирижер К. Элиасберг).

– 8 мая 1970 года в ознаменование 25-летия Победы (дирижер М. Шостакович).

– 9 мая 1975 года в честь тридцатилетия Победы над фашистской Германией (дирижер К. Элиасберг).

– 6 сентября 1982 года отмечалось 40-летие 7-й симфонии.

После вступительного слова председателя Ленинградской композиторской организации Андрея Петрова на сцену вышли дирижер Александр Дмитриев и двадцать четыре музыканта того блокадного оркестра с букетами пылающих роз.

– 8 сентября 1992 года состоялся Торжественный вечер, посвященный 50-летию первого ис-

полнения в блокадном Ленинграде (дирижер А. Дмитриев).

Ряды ветеранов поредели. Смотрю на фото, где несколько участников находятся в гостевой ложе. Теперь они зрители и слушатели. Но каждая нота возвращает им молодость. Здесь же в зале зримо присутствует их дирижер: мы видим портрет Карла Элиасберга.

Современник заметил: Карл Ильич испытывал большую гордость за выпавшую возможность организовать коллектив и воплотить в мощное звуковое партитуру композитора. Но некоторые воспринимали его как дирижера одной симфонии, что огорчало дирижера.

Возвращаясь к началу очерка, повторю, что в музыкальной библиотеке выразили удивление по поводу такого моего узкого интереса к творчеству Шостаковича. Поинтересовались, в связи с чем он возник?

Я объяснил, что фильм 2021 года «Седьмая симфония» напомнил о киноленте пятидесятых годов «Ленинградская симфония», в которой даже не называются фамилии реальных героев. А мне хотелось бы знать их имена и отделить миф от реальности.

Пришлось прочесть книжки и мемуары, пересмотреть документы и фотографии, чтоб написать этот небольшой очерк. Он рассказывает о реалиях. Здесь обнаженный нерв музыки и музыкантов, надежность воинов Ленинградского фронта и пронзительная любовь зрителей, воплощенная в девочке, несущей оркестру цветы.

Все более отдаляется 9 августа 1942 года. Однако история исполнения Седьмой симфонии Шостаковича до сих пор трогает своим возвышенным героизмом. В 2011 году опубликован роман «Дирижер» австралийской писательницы Сары Куигли, проживающей в Берлине. Казалось бы, что за дело иностранке, окруженной комфортом, до музыкантов, страдающих от голода и холода в далекие от сегодняшних реалий годы. Оказывается, ее тронули загадки. Первая: возможность исполнения произведения в условиях невозможности. Вторая: как человек, менее известный, чем Шостакович и Мравинский, становится самым известным. Это главные мотивы написания романа. Что касается первого, то здесь писательница отдает должное таланту, духу и мужеству Дирижера. Что касается второго, то здесь, как пояснил мне человек, знающий музыкальный мир, нельзя сравнивать Мравинского и Элиасберга как музыкантов. Как исполнители – это столпы музыкального Олимпа. Для карьерного же роста Карл Ильич был неудобен по характеру.

Сара Куигли в интервью каналу ВВС (радиостанция) говорит, что главный герой романа не композитор, а музыка, зовущая к победе, исполнители и ее интерпретатор – дирижер. Впечатление, что ею услышана мысль, высказанная Карлом Ильичом. Однако комментаторы радиостанции, смещая акценты, настаивают, что симфония – крик художника против чудовищных сталинских репрессий, мотивируя тем, что часть симфонии была написана композитором в Ленинграде.

(https://www.bbc.com/russian/multimedia/2012/09/120916_5f_shostakovich7).

Чтоб разрушить домыслы «голосов», приведу слова композитора из книги «Своим оружием» (Москва, 1961): «Моим оружием была музыка. И с первых дней войны я сел за рояль и начал работать... Свою Седьмую симфонию я посвятил нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе...» А начал свою работу Дмитрий Дмитриевич 19 июля 1941 года. В работу вложен протест против разрушения, против бесчеловечности. Этот протест позвал за дирижерские пульта Тосканини, Кусевицкого, Стоковского, Орманди в годы, когда Ленинград был в блокаде.

На первой странице рукописи партитуры читаем посвящение – борьбе, городу, победе, сделанное рукой композитора.

Любознательный современник найдет обилие литературы о Шостаковиче и симфонии. Можно прочесть, что она в 1942/43 годах исполнялась 62 раза, что по популярности превзошла сочинения Стравинского и Бартока, что вокруг нее слишком

много легенд, что первая часть основывается на мотивах оперетты Легара «Веселая вдова» и других серьезных и не очень исследований. Читателю дают возможность восхититься произведением или развенчать его.

Задача данного очерка не анализ произведения и не определение его места в музыкальном пантеоне. Задача – попросить обернуться и прокричать: Bravo! – Дирижеру и Оркестру, сделавшим возможным невозможное в годы блокады. Написанное – напоминание и старым, и малым о достоинстве, мужестве, которые есть в каждом, но не каждый проявит их в лихой час. Здесь же они налицо. Равняйтесь.

Примечания

¹ Берггольц О., Макогоненко Г. Ленинградская симфония: Киносценарий. Звезда. 1945. № 3. Стр. 70.

² «Карл Ильич Элиасберг». Воспоминания. Исследования. Документы. Составитель В.В.Козлов. СПб, 2012. Стр. 207.

³ Инбер В. – «Советский писатель», 1947 г.

⁴ Существует несколько видов рассадки симфонического оркестра.

⁵ «Карл Ильич Элиасберг». Воспоминания. Исследования. Документы. Составитель В.В.Козлов. СПб, 2012. Стр. 176-177.

□

Олег Георгиевич ВОРОБЬЕВ

родился в 1941 году в г. Сухуми (Абхазия).

Окончил Высшее военно-политическое училище

Советской армии и Военно-морского флота.

Культуролог.

Пишет прозу.

Занимается туристским бизнесом.

Действительный член Международной

и Национальной академий туризма.

Автор теоретических статей по внутреннему туризму.

Живет в Санкт-Петербурге.

